
Госпожа
Кэйко
Дари Евс
18+

Дари Евс

Госпожа Кэйко

«Автор»
2026

Евс Д.

Госпожа Кэйко / Д. Евс — «Автор», 2026

Я выросла в окия, где шёлк кимоно шелестел, как листва на ветру, а воздух был пропитан дымом благовоний. Я не знала ни отца, ни матери — и могла лишь строить догадки о том, кто принес меня в этот дом. Но я не роптала на судьбу — напротив, она баловала меня. Во мне горел яркий огонь надежды, ибо я считалась самой одарённой гейшей, и каждый мой поклон, каждый шаг сулили мне блестящее будущее. Даже матушка Масиро, чьи глаза пронзали пелену времён, изрекла, что сделает своей наследницей и вручит ключи от окия. Я уже видела себя полноправной гейшей, купающейся в славе и признании; мне исполнилось восемнадцать, и я ждала лишь мгновения, когда окия станет моим. Но всему этому не суждено было сбыться: однажды, когда луна окрасила небо в цвет крови, я обернулась кицуне.

© Евс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Даичи. 5
Глава 2. Кэйко. 9
Глава 3. Ямато. 14
Гл 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дари Евс
Госпожа Кэйко

Глава 1. Даичи.

Ночь дышала ледяной тьмой — ни единой звезды не зажглось на бескрайнем чёрном полотне неба. Снег падал редко в этих краях, но этой ночью небеса разверзлись настоящей метелью. Даичи, однако, не чувствовал холода: он бежал из последних сил, прижимая к спине корзину, где покоилось сокровище его госпожи. Лес встречал его хлёсткими ветвями, снег залеплял глаза, дыхание срывалось в хриплые обрывки, ноги заплетались, будто чужие. Но он знал: стоит остановиться — и ему, и драгоценному грузу за спиной придёт конец.

Он бежал уже несколько дней, изредка находя приют на окраинах деревушек. Так было и в этот раз: обойдя поселение стороной, он заметил старый покосившийся сарай и шагнул внутрь. В нос ударил запах прелого сена. «На ночь сойдёт», — мелькнуло в голове. Даичи опустил корзину, заглянул в неё и, наклонившись, стал бережно дышать на крохотное тельце, пытаясь согреть его своим теплом.

— Так называла тебя твоя госпожа, мать! — прошептал он, и голос его дрогнул. На дне корзины, укутанная в лоскут, лежала девочка — три дня от роду. Даичи заплакал, вспоминая всё, что случилось за эти три дня.

Три дня назад всё было иначе. Даичи, как обычно, хлопотал по хозяйству, а господин Иоширо мерил шагами свою комнату, не находя покоя. Когда Даичи внес успокаивающий чай, господин даже не заметил его, погружённый в свои тревоги.

— Господин Иоширо, ваш чай, — тихо произнёс Даичи, низко кланяясь.

— Даичи! Спасибо. Что слышно от женщин? — спросил тот, наконец отрываясь от окна.

— Госпожа Ёсико старается, — ответил слуга.

— Спасибо, — прозвучало в ответ, и Даичи, поклонившись, удалился.

Господин Иоширо ждал своего первенца и трепетал за супругу. Госпожа Ёсико долгие годы не могла зачать дитя, и вот наконец боги даровали им благословение. Роды длились почти весь день, уже смеркалось. По дому сновали женщины — то с белоснежными тканями, то с глиняными кувшинами, обеспокоенные, будто не видящие ничего вокруг. Самураи господина стояли во дворе, несколько стражей — у его комнаты. Слышались только крики госпожи, в остальном же дом погрузился в тягостную, звенящую тишину.

Когда совсем стемнело, за воротами раздались крики. Самураи мгновенно схватились за катаны, но было поздно — во двор ворвались люди сёгуна. Один из них взревел: «Спалить всё дотла! Всех предать огню!» Началась бойня, и вскоре всё вокруг полыхнуло алым заревом. Даичи схватила за руку девушка и потащила его за собой.

— Даичи, бежим! Нужно помочь нашей госпоже!

Они мчались по коридорам, то и дело прячась от солдат. Наконец они достигли покоев госпожи Ёсико. Она стояла посреди комнаты, напуганная, в лёгком синем кимоно, волосы растрёпаны, глаза опухли от слёз. К груди она прижимала ребёнка — крошечную девочку.

— Даичи, — голос её дрожал, — унеси моё сокровище подальше от этих стен! Нас с господином уже не спасти!

— Госпожа, куда я пойду? — выдохнул он.

— Поторопитесь, госпожа! Они уже близко! — воскликнула служанка.

Ёсико на мгновение замерла, взглянула на дверь, за которой уже слышались вопли ужаса. Даичи поёжился, понимая, что происходит. Тогда госпожа поднесла дитя к лицу, подула на девочку, и в её дыхании будто заискрился огонь — невидимый, но живой.

Служанка сняла с плеча Даичи корзину для хвороста и бережно уложила туда ребёнка.

— Даичи, спрячь моё сокровище в городе, отдай её на воспитание добрым людям! — сказала госпожа Ёсико. — А теперь бегите! Азуми покажет вам выход!

Служанка Азуми открыла едва заметную лазейку в стене, пропустила Даичи и влезла сама, затворив за собой тайник. Они замерли в узком тоннеле, где можно было идти лишь согнувшись. За спинами раздались голоса:

— Убить ёкая!

По спине Даичи пробежали крупные мурашки. «Ёкай? Демон?» — мелькнуло в голове. Азуми толкнула его в спину:

— Уходи! Беги вперёд!

И они бросились бежать, не разбирая дороги в темноте. Даичи уже не понимал, где находится и сколько времени прошло, но твёрдо знал: он должен спасти сокровище своей доброй госпожи.

Выбравшись из тоннеля, они оказались у кромки леса. Азуми, тяжело дыша, произнесла:

— Убегай, Даичи! Беги быстро! Хозяйка сделала так, чтобы ребёнок спал четыре дня. Отдай её хорошим людям!

— А ты? — спросил он. — Как же ты?

— Мы увидимся, если повезёт, — ответила она и скрылась в темноте тоннеля.

Даичи знал, что ребёнок скоро проснётся, и нужно было как можно скорее добраться до города. Он не знал добрых людей — будучи сыном рыбака, отец отправил его служить в дом господина, надеясь на лучшую жизнь. И тогда он решил: «В Окия о ней позаботятся!» — и направился в город, к дому гейш.

К концу следующего дня, еле волоча ноги, Даичи добрался до Окия. Убедившись, что его никто не видит, он оставил корзину с ребёнком у порога, а сам спрятался между домами, чтобы наблюдать. Спустя некоторое время он увидел гейшу, возвращавшуюся, видимо, из чайного домика, в сопровождении своей майко — ученицы. Обе ахнули, заметив в корзине ребёнка.

— Юри, посмотри — это девочка или мальчик? — спросила гейша.

— Девочка! — отозвалась майко.

— Забери её, покажем госпоже Масиро!

Госпожа Масиро, хозяйка Окия, приняла дитя без лишних расспросов. Она лишь взглянула на крохотное личико и велела Юри принести тёплой воды и чистых пелёнок. Гейши, окружив корзину, шептались о том, что ребёнок, должно быть, из знатного дома — слишком уж тонкие черты, слишком благородная осанка даже в младенческом сне. Но Масиро пресекла разговоры, сказав лишь: «Судьба привела её сюда, и мы не вправе спрашивать, откуда». Девочку назвали Кэйко — «дитя-зеркало», ибо в её тёмных глазах, когда она проснулась, отразился целый мир.

Даичи, скрываясь в тени, видел, как гейши внесли корзину в дом. Он не смел подойти, боясь, что вдруг его увидят, но сердце его сжалось от благодарности и боли. Он знал, что теперь его путь лежит прочь — в лес, в глушь, где никто не найдёт ни его, ни следов бегства. Он отошёл от города, когда небо начало сереть, и упал на снег, вдыхая морозный воздух. Госпожа Ёсико, господин Иоширо, Азуми — все они остались в огне, а он жив, и это было почти предательством. Но он спас то, что просили, — и это было единственным, что он мог сделать.

Через месяц, когда метели утихли, Даичи вернулся в город, чтобы хоть издали взглянуть на Окия. Он не надеялся увидеть девочку, но из открытого окна донёсся смех — лёгкий, серебристый, похожий на звон колокольчика. Гейши учили Кэйко первым словам, и её голосок, ещё не окрепший, уже звенел радостью. Даичи улыбнулся, чувствуя, как тает лёд в груди. Он не войдёт в тот дом, но будет жить неподалёку, работать лесорубом, и каждую зиму, когда снег укроет землю, он будет смотреть на тёплые окна Окия, зная, что сокровище его госпожи в безопасности.

Прошли годы. Кэйко выросла в прекрасную гейшу, унаследовав от матери не только изящество, но и ту незримую искру, что зажглась в её дыхании. Она никогда не узнала, кто спас её, но иногда, выходя на улицу в морозную ночь, она поднимала лицо к небу и чувствовала, что где-то рядом есть тот, кто бережёт её сон. А Даичи, состарившись, сидел у очага в своей лесной

хижине и шептал: «Твоя госпожа велела отдать тебя добрым людям, и я исполнил». Он не знал, что в тот самый вечер Кэйко, глядя на огонь в камине, вдруг улыбнулась, будто вспомнив чьё-то тёплое дыхание на своей щеке — давным-давно, в корзине, в ночь, когда мир рухнул.

Глава 2. Кэйко.

Утро наступило стремительно, словно испуганная птица. Пол года назад мне исполнилось восемнадцать а сегодня — день, когда я стану полноправной гейшей! С самого рассвета я готовилась к церемонии, и в памяти всплывали годы, проведённые в доме гейш. Это здание — целый мир, разделённый на множество уголков: кухня, где всегда пахло рисом и чаем; жилые комнаты, пропитанные ароматом благовоний; банная, вынесенная в отдельное строение, будто маленький храм чистоты; столовая, где собирались за беседами; гардеробная, хранящая в своих сундуках и шкафах бесценные кимоно, пояса и аксессуары. Девицы-майко живут в окия, пока постигают ремесло, но и дебютировавшие гейши могут остаться здесь или выбрать самостоятельный путь. За годы подготовки будущей гейше предстоит овладеть множеством искусств: пением, танцами, игрой на музыкальных инструментах, проведением чайных церемоний по всем строгим канонам, умением вести беседу и быть в курсе последних веяний.

Отличить майко от её «старшей сестры» можно по одежде: рукава кимоно младшей гораздо короче, а нижний воротничок окрашен в ярко-алый цвет, словно лепесток сакуры. Когда же майко становится гейшей, его сменяет белый — и когда мне его надели в окружении сестёр, я была переполнена гордостью!

Опыт старшей сестры бесценен: чем она популярнее, тем больше у гейши шансов обрести достойную клиентскую базу. И, конечно, моя старшая сестра Акеми — самая знаменитая. Тонкая, как тростинка на ветру, с кожей белой, как молоко. Добрая и мягкая, она напоминала мне цветок — нежный и прекрасный.

К слову, потенциальный покровитель у меня уже был. Господин Цубаса — один из командующих в армии сёгуна. Он заметил меня с первого взгляда, когда однажды увидел в чайном домике, и с тех пор неизменно искал моего общества. Я прекрасно танцую, пою и играю на сямисэне, могу поддержать любой разговор. Господину Цубасе особенно нравилось беседовать со мной о музыке.

Если сегодняшний вечер пройдёт прекрасно, он может стать моим покровителем — и тогда я куплю ещё больше украшений и шёлка для себя и сестёр, покрою половину долга за моё обучение. А госпожа Масиро обещала удочерить меня, и окия перейдёт мне в наследство.

Последние приготовления завершились к вечеру. Великолепное кимоно, туго затянутый оби на талии, изысканная причёска… Я была ослепительна. И отправилась со старшей сестрой Акеми к господину Цубасе.

Остановившись у дома, Акеми посмотрела на меня своим нежным взглядом.

— Ты готова, сестричка? — она всегда так ласково называла меня.

— Да, — с волнением вымолвила я.

— Ты всё знаешь, всё умеешь. Утром я тебя встречу!

Сестра ушла, а я, заходя в дом, только теперь осознала, как волнуюсь. Цубаса уже ожидал меня. Войдя, я грациозно поклонилась. Он подошёл ко мне с улыбкой.

— Кейко… — нежно произнёс он моё имя и развернул меня к себе спиной.

Цубаса был высок и красив, и я предвкушала этот момент. Он начал развязывать моё оби. Когда оно упало на пол, я почувствовала лёгкую дрожь по телу. Он развернул меня к себе и принялся снимать кимоно, глядя мне прямо в глаза! Я смущалась, но не смела отвести взгляд. Когда он закончил, я стояла абсолютно голая. Он отошёл чуть назад и улыбнулся.

— Ложись, — указал он, и я подчинилась.

Он лёг рядом, погладил мою грудь, живот, спустился ниже… Я почувствовала его сильные пальцы и не сдержала стон. Он стал целовать мою грудь. Я повернула голову к окну и заметила огромную красную луну. Вдруг я почувствовала жар — но не от ласки господина, а словно меня охватила лихорадка. Я быстро задышала. Цубаса поднялся, глядя на меня.

— Что с тобой? — спросил он.

Но я не смогла ответить — и почувствовала, как теряю сознание.

Снова открыв глаза, я услышала:

— Ёкай! Кицунэ! Здесь кицунэ! Убейте!..

Я испугалась и вскочила, но всё равно оставалась низко. Не понимая, что происходит, я посмотрела вниз — и увидела чёрные лапки! От ужаса я крикнула, но ошарашенно испугалась звука, который издала: это было похоже на звериный визг. Цубаса обернулся ко мне с ужасом в глазах. Я, не зная, как быть, метнула взгляд на луну и обратно на него. Быстро смекнув, что это первый этаж, я выпрыгнула в окно и побежала со всех ног, куда глаза глядят. Я не думала ни о чём, кроме одного — скорее убежать.

Остановилась я уже где-то на окраине города и забежала в какой-то сарай. Там забилась за бочку и просто легла, переводя дыхание. Я не понимала, что происходит, лишь лежала, видя перед собой сено и лапы — свои лапы! И тут я осознала: та самая кицунэ — это я!

Я проснулась от того, что меня трясло от чьего-то прикосновения. Меня тряс старик.

— Девушка, что ты тут делаешь? — спросил он хриплым голосом.

Я резко поднялась, прикрывая наготу.

— Простите… простите, господин, — защебетала я.

Он отвернулся и протянул мне серое поношенное кимоно.

— Я не господин, девушка. Возьми это кимоно моей жены. Тебя поймали солдаты сёгуна? — спросил он.

Я огляделась, не зная, что сказать, и решила подыграть.

— Д-да!

— Печально это. У тебя есть дом? Родители? — спросил старик.

— Есть… — слёзы начали душить меня.

— Ступай домой. В городе сегодня неспокойно.

— Почему? Что случилось? — спросила я.

— А разве ты не поэтому прячешься? На сына сёгуна напали. Кто-то говорит, что это даже ёкай — кицунэ, — засмеялся старик. Солдаты ищут лисиц и останавливают девушек.

— Спасибо, господин, — сказала я и выбежала из сарая.

Примерно понимая, что к чему, я решила измазать лицо грязью и растрепать волосы. По дороге к окия я нашла у дома ведро и взяла его с собой, чтобы отвести подозрения. Пройдя многочисленные кварталы, я вышла к окия — но он уже напоминал больше угли в камине. Я упала на колени, заливаясь слезами. Мой дом. Моё будущее было уничтожено. На пепелище я нашла заколку сестры Акеми. «Выжил ли кто-нибудь?» — спросила я себя и отправилась прочь из города.

Наверняка сейчас меня будут искать! Почему Акеми не сказала, что он сын сёгуна? Почему я стала кицунэ? Это чей-то заговор? Колдовство? Жива ли моя сестрица? А госпожа Масиро? Если даже и так — они никогда меня больше не примут обратно! Я их опозорила!

С этими мыслями я прошла очень много, так что не заметила, как оказалась на другой стороне города. С собой у меня не было ни денег, ни драгоценностей, а есть хотелось нестерпимо. Был уже вечер, и я зашла в лавку, где пахло супом.

— Сколько стоит суп? — спросила я.

— Два иена, — кисло бросила старуха, обгладывая меня взглядом.

Я вышла, с урчащим от голода животом. Слева стояла огромная клетка на колёсах, запряжённая двумя лошадьми. В ней сидели четверо мужчин — в таких обычно перевозили преступников. Трое из них таковыми и являлись: грязные, с опасными лицами. Завидев меня, они заулюлюкали. Четвёртый же сидел с поднятой головой и закрытыми глазами.

— Эй! Красавица, иди сюда!

— Красавица, у меня кое-что есть для тебя!

Из клетки на меня смотрел беззубый человек. Не нужно было долгих исследований, чтобы понять: этот человек — бесчестный разбойник. Мужчина с поднятой головой пнул его ногой, тот упал, но ничего не сказал и вернулся на место. Мужчина опустил голову, внимательно посмотрел на меня, но потом вновь без интереса поднял взгляд вверх. Я прошла мимо, но вдруг услышала голос:

— Если стащишь ключи у жирного болвана в харчевне, я тебе помогу!

Я обернулась. Это был мужчина, сидевший в клетке у края. Он был молод, волосы его так же растрепаны как и мои, а усы с бородой спутаны.

— Чем вы мне поможете, господин? — спросила я.

— Спрятаться, — бросил он.

Я было пошла дальше, но куда? Я — одинокая, без окия. Сколько времени пройдёт, как я погибну? День? И я подумала: так или иначе, с этим мужчиной у меня хотя бы есть шанс.

Я развернулась и пошла в харчевню. Увидела единственного жирного мужчину — он сидел и спал. Я подсела к нему и минут пять просто оглядывала всех вокруг. Людей было немного, вскоре я поняла, что меня никто не замечает. На его объёмной талии я увидела увесистую связку ключей. Убедившись, что никто не видит, я потихоньку начала снимать ключи с его пояса. Получилось тихо и незаметно — конечно, ведь руки мои были ловкими. Вспомнив дом гейш, как училась играть на сямисэне, как меня били по рукам, чтобы движения были плавнее…

Стащив ключи, я медленно, не привлекая внимания, вышла на улицу и направилась к клетке. Мужчина уже ждал меня, прижавшись к прутьям.

— Молодец, лисичка! — сказал он, выхватив у меня ключи. Он открыл клетку, но своих сокамерников не выпустил, а закрыл обратно. Все в клетке выкрикивали проклятия и начали громко вопить, чтобы привлечь внимание в харчевне.

— Лисичка, — повторил он, уже не как прозвище, а как приговор. Я замерла, не зная, бежать или ждать. Но он лишь усмехнулся, схватил меня за руку и потащил в узкий проулок между лавками. Позади гулко захлопнулась дверь харчевни, и я услышала злобные вопли жирного перевозчика, но они быстро стихли за поворотом. Мужчина не оглядывался, только шагал быстро, почти не давая мне перевести дыхание, пока мы не оказались у полуразрушенного склада на самой окраине. Там он втолкнул меня внутрь и закрыл дверь на засов.

Внутри пахло гнилой соломой и мышами. Я села на корточки, пытаясь отдышаться, а он достал из-за пазухи флягу и сделал долгий глоток. Света почти не было, лишь тонкая полоска

из щели под крышей. Я смотрела на его силуэт — широкие плечи, обветренное лицо, но глаза не злые, а скорее усталые, как у человека, который давно ничему не удивляется. Он протянул мне флягу, и я машинально отпила — это была вода, немного разбавленная сакэ. Горло обожгло, но стало легче.

— Как тебя зовут, лисичка? — спросил он, садясь напротив. Я назвала своё имя, хотя сердце стучало от того, что он произнёс это слово «лисичка» так спокойно, будто знал всё. Он кивнул, не уточняя, и добавил: — Я — Ямато. У меня нет ни дома, ни имени, которое можно произносить в хорошем обществе. Но я умею выживать. И, кажется, ты тоже, раз уж стащила ключи так тихо, что даже толстяк не проснулся. — Он хмыкнул. — Такие навыки не приходят из ниоткуда. Ты из окия, верно?

-- Как вы узнали господин? — охнула я.

—Я слышал, что этой ночью один окия сгорел дотла, —проговорил он негромко, в его словах не было ни жалости, ни любопытства — А ты красивая и изящная, несмотря на свои тряпки. Я не спрашиваю, что случилось. Но если ты бежала из того дома, значит, там для тебя осталась лишь смерть.

Я молчала, кусая губы. Он был прав. Я не знала, кто он, но мне нечего было терять. Ямато поднялся и откинул крышку старого сундука в углу. Внутри лежали смятые тряпки и ржавый кинжал. Он вытащил кинжал, посмотрел на лезвие и протянул мне рукояткой вперёд. — Держи. Ночью в городе тебя поймают раньше, чем ты успеешь моргнуть. Я иду на восток, в горы. Там есть деревня, где меня помнят. Если хочешь — идём со мной. Но знай: дорога будет грязной, холодной и без единого шёлкового платья. — Он смотрел на меня без жалости, но и без презрения, просто как на равную.

Я взяла кинжал. Он был тяжёлым и холодным, но в ладони лежал как продолжение руки. Я вспомнила, как госпожа Масиро учила меня держать веер — легко, нежно, будто он был частью моего тела. Теперь я держала сталь. Я кивнула ему. — Я пойду с тобой. Но не потому, что у меня есть выбор. Потому что я хочу жить. И лучше мне научиться быть хитрой, а не просто красивой. — Ямато усмехнулся, и впервые его лицо показалось мне почти добрым.

Мы вышли из склада, когда ночь окончательно опустилась на город. Луна уже не была красной — теперь она висела бледным серпом над крышами. Я шла за Ямато чувствуя, как почти босые ноги ступают по холодной земле, а старое кимоно жены старика липнет к телу от пота. Никто не оглядывался на нас: я была просто нищенкой, а он — бродягой. И именно в этом было моё спасение. За спиной оставался пепел окия, разбитые мечты. Впереди — неизвестность, голод и, возможно, смерть. Я была той, кто бежит. И если кицунэ действительно живёт во мне, то пусть она ведёт меня — но уже не как добычу, а как охотницу.

Глава 3. Ямато.

В хижине было тепло. В очаге потрескивал огонь, бросая живые тени на стены. Я смотрел в крошечное окно, а на моих ногах, словно на подушке, устроилась госпожа Кэйко. Я опустил взгляд на её лицо и подумал: «Как же она похожа на госпожу мать Ёсико!». Воспоминания унесли меня на много лет назад.

Тогда, таких как мы, кицунэ, было много. Главная наша особенность — умение принимать человеческий облик. Чем старше и сильнее лиса, тем больше у неё хвостов. Считается, что новый хвост появляется у кицунэ каждые сто или тысячу лет жизни, хотя случаются и исключения — у кого-то и раньше. Когда у кицунэ девять хвостов, её мех становится серебристым, белым или золотым, а сама она обретает почти божественную силу. Высшая форма — тэнко, «небесная лиса», достигшая возраста около тысячи лет.

Кицунэ владеют множеством умений: вселяться в чужие тела, выдыхать огонь, проникать в чужие сны, создавать сложные иллюзии, почти неотличимые от реальности, а в некоторые лисы — искривлять пространство и время, сводить людей с ума или принимать фантастические формы. Характер у лисиц разный, как и сами они. Есть злые, что могут обмануть или даже погубить человека ради своей выгоды. А есть добрые, способные прийти на помощь. Такой была мать Кэйко, девятихвостая лиса, хозяйка горы, госпожа Ёсико.

Я родился в норе на её горе и всю жизнь там прожил. Госпожа Ёсико помогала путникам пройти через свои владения, следила за порядком. Но однажды одной ямубе — горной ведьме — не понравилось, что Ёсико помогает путникам и лишает её пропитания. Ведь ямуба завлекала путников в своё логово, откармливала их и съедала. И тогда ямуба обернулась прекрасной девой, проникла во дворец сёгуна, прикинувшись его наложницей, и одурманила его словами: «Твой род, господин, прервёт кицунэ!». Сёгун обезумел и велел уничтожить всех лис в округе.

Горели леса и поля, солдаты сёгуна без разбора убивали всех лис, пока ни одной не осталось. Мы с госпожой, сумев обернуться людьми, спаслись. Мы поселились в доме у реки и прожили там несколько лет, пока однажды госпожа не принесла тело израненного солдата. Она выхаживала его, кормила и обогревала, пока он не пришёл в сознание. Им оказался даймё Иоширо Камакура. Поправившись, он забрал нас с собой: я стал самураем, а госпожа — его женой. Они очень любили друг друга и мечтали о ребёнке, но никак не получалось. Однажды господин Иоширо и я вместе с ним отправились на праздник к сёгуну, и тот сказал, что у него есть ямуба, которая может помочь, но Иоширо отказался.

После того как мы вернулись домой, через девять месяцев на пороге оказался сёгун: проезжая мимо, он решил посетить дом господина Иоширо. С сёгуном была и та самая ямуба! Она узнала в госпоже Ёсико хозяйку гор — кицунэ, но виду не подала. Зато увидела, что госпожа в положении. Иоширо знал, что его жена — кицунэ, и его это нисколько не пугало, но теперь нам пришлось скрываться. Госпожа умела напускать иллюзии, и на месте нашего дома люди видели лишь лес. Однако в городе уже ходили слухи, что жена Иоширо — кицунэ. Это дошло и до сёгуна, и тогда он отправил людей расправиться и с Иоширо, и с Ёсико…

Я же, как ронин, оставшийся без господин, поклялся отомстить за него и его госпожу! Много лет я строил план, как подобраться к ямубе так, чтобы она не признала во мне лиса. Я просил помощи у всех лесных духов, даже у демонов, но никто не хотел мне помогать. И тут, как оказалось, я встретил дочь самой хозяйки гор! Ёсико все любили и желали бы, чтобы она снова вернулась на гору и навела порядок. Но, к сожалению, этого не случится… Может, если бы Кэйко согласилась…Вчера, когда я увидел её сквозь прутья клетки, подумал, что мне почудилось. Но, вглядевшись, не поверил собственным глазам! Когда же девица подошла ближе, я тотчас узнал знакомый запах: «Она точно лисица-кицунэ!» — мелькнуло в голове. Если помочь этой девчонке, она поможет и мне! Но вскоре я понял: она не ведает, кто она такая, и бросить

её было бы предательством. Она согласилась пойти со мной на восток, в горы, где жил мой давний друг — он-то уж точно смог бы мне пособить!

Выйдя на окраину города, я увидел у заставы солдат, проверявших выезжающих. Женщин безжалостно выдёргивали из толпы и тщательно обыскивали. Я покосился на девицу. — Эй, лисичка, сможешь стать мужчиной?

— Как? Господин… — она уставилась на меня испуганными глазами.

Да, она и правда не знает, что она кицунэ. Оглядевшись, я заметил повозку с бочками.

— Пошли, — потянул я её за руку.

— Эй, добрый господин! — окликнул я старика на телеге. — Что в твоих бочках? — А тебе какое дело? Иди куда шел! — рявкнул он. Ладно, нашлю на него морок. Глаза старика смотрели на меня, но видел он уже не нас, а двух солдат. — Нам нужно проехать в твоих бочках! Что там?

— Да там ничего, господин, можете ехать. Но почему в бочках? — ухмыльнулся он кривыми зубами.

— Так нужно, приказ сёгуна!

— Полезай, лисичка! Я закрыл её в бочке, а сам присел рядом — примерившись, понял, что не влезу.

Когда мы подъехали к выезду, я надеялся, что старика не тронут, но тут раздался голос: — Что в бочках, старик? — спросил солдат.

— Ничего, господин, еду за рыбой.

— А это кто?

— Как же — солдат сёгуна! — ляпнул старик. Чёрт! Надо было сильнее запудрить ему мозги и сказать, что я его сын!

Ко мне подошли двое, и один из них произнёс: — Ты, что ли, солдат? Я сидел молча, прикидывая, что лучше сделать. Если снять морок со старика и наслать его на вояк, старик поднимет шум. Если сказать, что старик не в себе, меня снимут с телеги и начнут выяснять, кто я. А если начнут проверять бочки — найдут лисичку. Тут я смекнул: дыхну огнём!

Набрав побольше воздуха в лёгкие, я дунул воякам прямо в глаза. Те закричали, я схватился за катану и ринулся в бой с остальными! У выезда было пятнадцать человек, но мне не было равных! Я уложил всех. Пока вокруг начали вопить «Ёкай! Кицунэ!» и разбегаться, старик, воспользовавшись паникой, угнал телегу вперёд, за ворота. Я обернулся: к заставе уже скакали всадники. Я бросился вдогонку. Догнав телегу, я свалил бочку с неё — она упала, разбившись, и оттуда выкатилась уже не девушка, а лисичка, запутавшаяся в кимоно. Пока она пыталась выбраться, я схватил её, как мешок, и припустил к лесу что было сил. Лисичка не переставала дёргаться; высунув мордочку из рукава, я прикрикнул: — Не дёргайся! Я нас спасаю! И она затихла у меня на руках.

Забежав в лес, я не знал, куда деться, и решил просто бежать вперёд — лошади тут не пройдут, значит, они не сунутся. Пробежав ещё немного, я увидел уступ; присев за него, заметил углубление в земле. Залез туда, лёг, вжавшись, и прижал лисичку к себе. Над нами пылали факелы, слышались голоса, но мы лежали тихо-тихо. Лисичка смотрела мне прямо в глаза, не издавая ни звука. Спустя некоторое время я понял: они ушли, либо далеко, либо из леса.

— Всё, лиса, они ушли.

И вдруг она резко обернулась обратно в девушку! Она смотрела на меня круглыми глазами; я почувствовал под руками её гладкую спинку и мягкие бёдра и тоже смутился. Она сделала вдох, чтобы взвизгнуть, но я резко остановил её: — Если ты сейчас закричишь, они вернутся и зарубят нас!

— Тогда отдайте мне кимоно, господин Ямато! — недовольно буркнула она и, быстро поднявшись, накинула его на себя.

Мы прошли около получаса. Когда решили развести огонь ближе к реке, лисичка следила за пламенем, а я поймал две небольшие рыбёшки.

— Я не ела со вчерашнего дня, — грустно сказала она. — Я тоже, лисичка.

— Кэйко! Меня зовут Кэйко, господин.

— Не зови меня господином, просто Ямато.

— Хорошо, господин Ямато!

— Какая же ты раздражающая, Кэйко! Делай, как говорю! Она притихла. — Откуда ты, Кэйко?

Она рассказала мне про окия: как училась, как стала гейшей, и как оказалась кицунэ, и что её ищет Цубаса, сын сёгуна. «Ах, сёгун!» Может, и правда его судьба — умереть от руки кицунэ? Второй человек из его семьи переходит дорогу лисам. И всё благодаря проклятой горной ведьме! Гнев пронзил моё лицо.

— Ямато, что с вами? — спросил тонкий голосок Кэйко. — Да так… вспомнил кое-что.

— А откуда вы? — спросила она. И тут! Мы услышали треск сучьев. Мы приподнялись и повернулись на звук; я схватился за катану, и к нам с хворостом в руках вышел мужчина лет сорока. Он замер, посмотрел на нас, а потом его рот расплылся в улыбке, и он заплакал, глядя на лисичку.

— Кэйко! — сказал он.

— Вы её знаете? — спросил я.

— Да, господин Ямато! И вас я знаю! Я опустил катану и стал всматриваться в лицо мужчины…

— Даичи? — с удивлением спросил я.

— Да, это я, господин.

Эта встреча повергла нас троих в шок. Мы отправились в дом Даичи. Он рассказал, что к нему уже наведывались солдаты и что он специально пошёл на поиски нас — и ему повезло. Он поведал Кэйко, что случилось с её окия: сёгун велел спалить его вместе с жильцами, заявив, что там живут ёкаи. По слухам, госпоже Масиро и Акеми удалось бежать под чужими именами. Также он рассказал ей о её спасении и о том, как присматривал за ней все эти годы. Я, в свою очередь, поведал свою историю. Кэйко была поражена.

— Спасибо вам, господин Даичи, и вам, Ямато! Я бы не поверила, если бы вчера не обернулась лисицей.

После ужина Даичи ушёл спать, сказав, что мы можем остаться в его доме до утра.

Ночь прошла спокойно, но я почти не сомкнул глаз. Слишком много событий обрушилось за один день, и мысли о Цубасе, о проклятой горной ведьме, о Кэйко — всё это крутилось в голове, не давая покоя. Я смотрел на её спящее лицо, на то, как она доверчиво прильнула ко мне, и понимал, что теперь отвечаю за неё. Она была не просто лисицей, не просто девушкой из окия — она была ключом к тому, что я искал уже много лет. И если Цубаса действительно охотится за ней, значит, путь на восток станет опаснее, чем я предполагал.

Наутро Даичи разбудил нас задолго до рассвета. Он принёс нам одежду — простые дорожные кимоно, которые не привлекали бы внимания, и крепкие сандалии. — Солдаты прочёсывают окрестности, — сказал он, понизив голос. — Вчера у заставы погибло пятнадцать человек, и теперь по всему тракту ищут двух беглецов. Ямато, ты совершил глупость, но иначе было нельзя. Однако теперь придётся идти горными тропами, а не дорогой.

Даичи показал на карте, начерченной углём на старом холсте, путь через перевалы.

— Там есть старая хижина охотников, в ней можно переждать день. А дальше — на восток, к вашему другу.

Кэйко молча слушала, кусая губы. Она явно не привыкла к таким разговорам — о побегах, о солдатах, о смерти. Но когда Даичи упомянул, что Цубаса мог отправить погоню и в горы, она сжала мою руку. Я накрыл её ладонь своей.

— Не бойся. Если они сунутся, я справлюсь. Но она покачала головой: — Ямато, вы не можете сражаться со всеми. Я знаю, что я кицунэ, но я не умею этим пользоваться. Что, если я подведу вас? Я посмотрел ей в глаза и ответил просто: — Значит, я буду рядом, пока не научишься.

Даичи проводил нас до тропы, что вилась вверх по склону, скрытая густым подлеском. На прощание он сунул мне в руку небольшой мешочек с сушёной рыбой и рисом.

— Дойдёте до хижины к полудню. Там есть колодец, а в сарае — дрова. Я бы пошёл с вами, но если меня хватятся, вы будете первыми, кого они найдут. Так что ступайте, и да хранят вас боги. — Он поклонился Кэйко, и она ответила ему таким же поклоном, впервые за всё время улыбнувшись по-настоящему. Я понял, что эта улыбка — не просто благодарность. Это был знак того, что она начинает принимать свою судьбу.

Мы шли молча, слушая лишь хруст веток и шум ручья где-то внизу. Тропа петляла между скалами, то поднимаясь на гребни, то ныряя в тенистые лощины. Кэйко шла впереди, я — следом, держа руку на рукояти катаны. В одном месте она остановилась и прислушалась, и я тоже замер. Где-то далеко, на востоке, послышался конский топот, но он быстро стих.

— Они не пойдут сюда, — прошептал я. — Лошадям здесь не пройти. Она кивнула, и мы продолжили путь. Через пару часов показалась хижина — низкая, с покосившейся крышей, но на удивление целая. Внутри было пыльно, но сухо. Мы разожгли огонь, я сходил к колодцу за водой, а Кэйко принялась разбирать дорожные мешки, что дал Даичи.

Сидя у костра и глядя, как она ловко заваривает чай из трав, что нашла у входа, я вдруг поймал себя на мысли, что уже не вижу в ней просто лисицу или спасённую девушку. Она была сильной — даже не зная своей силы, она не жаловалась, не ныла, не спрашивала, зачем всё это. Просто шла вперёд, как и я когда-то. И когда она протянула мне горячую чашку и сказала: — Выпейте, господин Ямато, у вас усталые глаза, — я почувствовал, что эта дорога, возможно, изменит нас обоих. Я взял чашку, кивнул и ответил: — Спасибо, Кэйко. Но помни: я просто Ямато. Она улыбнулась и повторила тихо, почти шёпотом: — Хорошо, просто Ямато.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.